

Раиса

Алибекова

Жизнь и Еда

ТОП
Instagram
1 200 000
читателей

Звезда инстаграма

Райса Алибекова

Жизнь и еда

«АСТ»

2018

УДК 641.55
ББК 36.997

Алибекова Р.

Жизнь и еда / Р. Алибекова — «АСТ», 2018 — (Звезда инстаграма)

ISBN 978-5-17-105899-9

В семь лет Раиса из дагестанского села чуть заживо не сгорела. Ее чудом спасли, но на долгие годы она потеряла лицо. Его «лепили» заново в течение двадцати лет, по миллиметру в год – девушке пришлось перенести более двадцати пластических операций, проведенных под общим наркозом. Раиса пережила адские муки, но никогда не отчаивалась, потому что рядом с ней всегда были ее родные, а потом – любимые муж и сын. Сегодня Раиса – молодая красивая женщина, успешная жена и мама, известный блогер. В «Инстаграме» на ее блог «Жизнь и еда», где она опубликовала более тысячи уникальных видеорецептов, подписаны 1 200 000 человек. Рая стала «Лучшим фуд-блогером» России 2016 года, по мнению читателей популярного женского сайта Леди Mail.Ru. А в 2017 году она выиграла премию «Инстамама» в номинации «Food-мама». В своей книге автор впервые подробно рассказывает о пережитых событиях, и о том, что помогает ей не падать духом, никого ни в чем не винить и завоевывать все новые вершины в профессии и личной жизни.

УДК 641.55
ББК 36.997

ISBN 978-5-17-105899-9

© Алибекова Р., 2018

© АСТ, 2018

Содержание

Вступление от редакции	7
Вступление от автора	8
Я готова пожертвовать целым миром ради любимых людей	9
Лучший пример – перед глазами	10
Долгожданная дочка	12
«Раз ты большая, то будешь готовить для нас!»	14
Все мною восторгались, как красивой куклой	15
Жизнь может измениться вмиг	16
Одна искра – и я вспыхнула, как факел!	17
У меня было шоковое состояние – я не чувствовала боли	18
Я не понимала: почему все плачут, когда видят меня?	20
Пересадка кожи «чудовищу»	21
Сдирали кожу с лица – рывком, словно пластырь	22
При движении ноги начинали кровоточить – с них же брали кожу	24
Из зеркала на меня смотрело чудовище!	25
Новая жизнь с чужим лицом	26
Благодаря учителю и дружному классу у меня не возникло комплексов	27
Я не хотела видеть свое отражение	28
На операцию – как на праздник	29
«Как в кино» не получилось	31
«Зачем ты здесь? У тебя же все хорошо!»	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Раиса Алибекова

Жизнь и еда

Серия «Звезда инстаграма»

© Раиса Алибекова

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Вступление от редакции

В семь лет Раиса из дагестанского села чуть заживо не сгорела. Ее чудом спасли, но на долгие годы она потеряла лицо. Его «лепили» заново в течение двадцати лет, по миллиметру в год – ей пришлось перенести более двадцати пластических операций, проведенных под общим наркозом. Раиса пережила адские муки, но никогда не отчаивалась, потому что рядом с ней были ее родные: мама, папа, братья, сестра, тети, а потом и обожаемый муж. Их любовь и поддержка дали Раисе силы и надежду на прекрасное будущее. И оно настало!

Сегодня Раиса – молодая, красивая женщина, успешная жена и мама, известный блогер. В «Инстаграме» на ее блог «Жизнь и еда», где она опубликовала более тысячи уникальных видеорецептов, подписаны 1 200 000 человек.

Рая – «Лучший фуд-блогер» России 2016 года по мнению читательниц популярного женского сайта Леди Mail.ru. А в 2017 году она выиграла премию «Инстамама» в номинации «Food-мама».

Чтобы завоевывать другие высоты, Раиса постоянно учится. К своим двадцати восьми годам она закончила: физический факультет, факультет математики и компьютерных наук, курсы фотографа, журналиста и кулинарную школу. А сейчас планирует освоить профессию ресторатора, чтобы открыть свой бизнес – сеть собственных ресторанов в разных городах. Каков размах!

Сегодня семья Раисы переехала в Москву – здесь звезда «Инстаграма» видит больше возможностей для развития. В столице ее приглашают на кулинарные телешоу, а билеты на ее мастер-классы разлетаются за час.

Но отчего Раиса долгое время не решалась рассказать о себе? Как она пережила личную драму? Как сейчас относится к своему отражению в зеркале? Почему она несколько раз попадала в автомобильные аварии, причем в одни и те же числа? Зачем поменяла имя? От какого шага отговаривал ее муж Абдула? Чем радуют и огорчают ее подписчики в «Инстаграме»? Что надо делать, чтобы стать популярным блогером? Сколько времени и сил уходит на создание одного видеорецепта? На эти и другие вопросы автор отвечает откровенно и обстоятельно. А также рассказывает о том, что помогает ей не озлобиться, не упасть духом, никого ни в чем не винить...

Судьба молодой женщины настолько удивительна, что может лечь в основу и документального фильма, и художественного романа.

Вступление от автора

Я прошла путь от девочки, потерявшей лицо, до успешной женщины, вставшей в один ряд со «звездами»

Когда люди видят мой блог, встречаются меня на улице или, возможно, натыкаются на интервью со мной, то зачастую они даже не догадываются, какой путь я проделала. От маленькой девочки, которая в прямом смысле потеряла лицо и всяческое желание жить, до успешной женщины – жены и мамы.

Это была трудная дорога – через боль и принятие. Но сейчас, оглядываясь назад, я поняла, что не чувствую обиды или злобы и испытываю только благодарность миру. Признаюсь, раньше я не думала о книге. Но оказалось, что моя история помогает девушкам, попавшим в такую же беду, поверить в себя, принять свои недостатки. Поэтому я решила попытаться вдохновить как можно больше людей на то, чтобы просто жить и радоваться каждому дню!

Сейчас я не та Раиса, которая, разбив зеркало, рыдала, оплакивая остатки своего лица. Я та, что увидела свою фамилию в одном ряду с именами «звезд» – Веры Брежневой, Ксении Собчак, Нюши, Сергея Шнурова, Тимати, Ники Белоцерковской! Все они были выдвинуты читателями на премию популярного женского сайта «Леди Mail.ru» в разных номинациях. Я же победила в номинации «Лучший фуд-блогер».

Я посвящаю всем свою победу! Смогла я – сможет каждый из вас! Премии, успех блога, счастливая семейная жизнь – это итог долгого пути. О том, каким был этот путь, я расскажу в книге. Многое из того, что я описываю, до сих пор не было известно даже моим родителям. Это серьезный шаг для меня, но я пообещала себе быть откровенной и слово сдержу.

**Я готова пожертвовать целым
миром ради любимых людей**

Лучший пример – перед глазами

Моя родина – Дагестан, страна гор (от тюркского «даг» – «гора», «стан» – «страна»). С детства я видела горные аулы, каменные ступени, ведущие к вершинам гор, ленты дорог, которые петляют над страшными пропастями, и шумные горные реки. Но родилась и росла я на равнине – в часе езды от Махачкалы, в селе Новые Викри Каякентского района. Это роскошный край цветущих долин и живописного Каспийского моря. Мне повезло жить в таком прекрасном месте – до моря можно было даже дойти пешком, а у нас была машина, поэтому весь путь до него занимал не больше десяти минут. Я до сих пор считаю, что это самое красивое место на земле! Там мало людей, и местные жители с заботой и любовью поддерживают чистоту пляжа и моря. Большими компаниями – с семьей, с друзьями – мы часто ездили на Каспий, старались проводить там выходные. У нас даже было особое место для шашлыков – возле реки в лесу. Помню я и зимние прогулки. В детстве мне казалось, что снега было много – не то что сейчас.

Мою маму зовут Зайнаб, ей пятьдесят семь лет, а папе – Магомеду – пятьдесят шесть лет. Отец – экономист по образованию, раньше работал бухгалтером в совхозе. Ушел оттуда, чтобы заняться собственным бизнесом: возил из Питера трубы для отопления и продавал их в Махачкале. В то время – в середине 1990-х – мы жили богато. Соседи приходили к нам в гости, словно в музей, чтобы полюбоваться дорогой и дефицитной по тем временам мебелью. Сейчас смешно вспоминать об этом, но мама иной раз всерьез жаловалась, что устала деньги считать, и невольно порой думала: когда же это закончится? Бывало, целый чемодан денег привозил отец, и ей приходилось считать их с утра до вечера. Бизнес отца развивался стремительно и шел хорошо до тех пор, пока его не «кинул» родственник, с которым они вели дела. Отец в одночасье разорился, и чемоданов денег не стало. Я восхищаюсь своим папой! Мы никогда не были бедными – он любым способом пытался зарабатывать и делал все, чтобы его большая семья жила достойно.

Нам, детям, он всегда говорил: «Главное не в том, чтобы у вас был материальный достаток, а в том, чтобы у вас головы работали – тогда вы сами себя обеспечите». Поэтому для него важно было дать нам образование. Не секрет: чтобы поступить в хорошую школу или в вуз, требуются деньги. И папа трудился не покладая рук. Сейчас у него огромный, площадью около гектара, виноградник, в котором он выращивает виноград различных сортов. И до сих пор папа все контролирует сам – от тонкостей ухода за прихотливыми лозами до переговоров с заводами, закупающими виноград. Из его сырья производят Дербентское и Кизлярское вина. И хотя все мы, его дети, выросли, папа все равно работает для нас и постоянно стремится помочь нам, чем может.

Моя мама для меня – идеал любящей женщины. Когда я вижу объявления о курсах по женственности – только улыбаюсь: ведь я росла, имея перед глазами лучший образец для подражания. Мои родители знакомы еще со школы. Только мама тогда была хулиганка, которая терпеть не могла учебу, а папа – отличник, которого ставили всем в пример. Мама нередко рассказывает мне смешные истории из своего детства... Однажды она дурачилась с подружками и закинула камешек к соседям, который угодил аккурат в хинкал, стоявший на столе. Хорошо, что зубы у соседа остались на месте, но от родителей маме попало. А в другой раз, уже в начальной школе, она рассердилась из-за того, что на уроке физкультуры ее заставляют забираться по ненавистному канату, и втайне от всех сожгла его. Мама со смехом говорит, что мастерски все отрицала и ей удалось избежать наказания. Причем с физической активностью у нее был полный порядок, даже порой с избытком. В старших классах на переменах они дурачились в коридоре – подпрыгивали, стараясь достать до потолка. Ни у кого не получалось, и тогда мама придумала сделать это с разбега. Своего она добилась, но приземлилась неудачно. Хотя, скорее, удачно, ведь она сбила с ног своего будущего мужа, в тот момент – прилежного

любителя математики... Однако со временем ее буйная энергия перешла в мирное русло. В ту пору старшеклассников отправляли в совхозы для помощи в уборке урожая, и мама всегда была в числе первых – и работу выполняла быстрее остальных, и по показателям лидировала. Говорит, даже могла с легкостью тягать мешки, за которые и мужчины не брались.

Брак с моим отцом им устроили родители. Тогда это была обычная практика, но им действительно повезло друг с другом. Редко какая любовь выдерживает столь тяжелые испытания. Дело в том, что практически всю жизнь мама ухаживала за родственниками папы. Сразу после свадьбы папу забрали в армию, и беременная Зайнаб осталась с его родителями – моими дедушкой и бабушкой. Вскоре заболела бабушка, ей требовался постоянный уход, и мама помогала, как могла.

Пока папа был в армии, мама родила ему первенца, а после его возвращения практически сразу забеременела снова. Они хотели иметь много детей, и папа сразу же начал усиленно работать, понимая, что на нем лежит вся ответственность за семью.

После десяти лет болезни бабушка умерла, и это стало настоящим ударом для дедушки... Папин отец Гаджихмед – удивительный мужчина. Он работал кузнецом и обладал невероятной силой. В селе его все боялись, никто и слова не мог сказать ему наперекор. Даже будучи стареньким и больным, он мог схватить человека так крепко, что и троим-четырем мужчинам не удавалось разнять его хватку. Дед воевал в Великой Отечественной войне, дошел до Германии и вернулся невредимым – с полной грудью орденов и медалей. К сожалению, этого сильного человека подвело здоровье – и физическое, и душевное, дедушке требовался постоянный уход и забота. Мама с большим уважением и любовью ухаживала за ним, несмотря на то, что сама уже была матерью четырех сыновей.

Папа работал в соседнем городе Избербаше. Ему приходилось часто и надолго уезжать, его сутками не бывало дома – в тот период мама его почти не видела. А когда отец открыл продуктовый магазин в поселке, она без раздумий взялась помогать ему, согласившись работать там продавцом.

Мне кажется, что такие жены, как Зайнаб, – редкость. Она так много сделала для родителей мужа! Однако большие нагрузки, которые легли на ее плечи в молодости, не прошли бесследно. В какой-то момент у мамы начались проблемы со здоровьем, а сейчас ей даже ходить тяжело – очень болят ноги.

Долгожданная дочка

У родителей уже было четверо детей, когда мама узнала об очередной беременности. На тот момент мой брат Ахмед еще был на грудном вскармливании, и врачи посоветовали маме отлучить сына от груди. Чтобы он поскорее перестроился на «взрослое» питание, она была вынуждена отдать его на три дня своим родителям. Мама волновалась, что сыну придется тяжело, но хуже всего было ей самой. Она до того тосковала по ребенку, что не могла ни спать, ни есть, и по вечерам стояла под окнами родительской квартиры, наблюдая за ним. В конце концов не выдержал ее отец, он строго сказал, что не потерпит больше слез, и отдал ей Ахмеда. Я обожаю эту историю и неизменно восхищаюсь маминой способностью любить! У нее было столько дел, хлопот, обязанностей и проблем, а она не сумела пережить и пары дней разлуки с сыном.

24 июня 1990 года, после четверых мальчиков, в семье Зайнаб и Магомеда на свет появилась я. Тогда не только родственники радовались, но и все наше село: наконец-то родилась девочка! Папа от счастья и избытка чувств каждому односельчанину подарил по сто рублей.

Столь сильно и горячо желали моего появления еще и потому, что папа – единственный ребенок в семье. Его родная мать Рукият, моя бабушка, умерла при родах от сильного кровотечения. И первое время Магомеда по очереди кормили грудью четыре совершенно чужие женщины, сами недавно родившие. Когда же ему исполнилось три года, за ним стала присматривать няня, впоследствии ставшая женой моего деда и мачехой моего отца. Удивительно, но ее тоже звали Рукият. Кстати, всех своих кормилиц папа до сих пор называет мамами, а их детей – братьями, всячески поддерживает их и помогает им. Лишившись родной матери сразу после рождения, он страстно хотел дочку, мечтая назвать ее маминым именем. Так меня и назвали – Рукият.

Имена у даргинцев (одного из крупнейших народов Дагестана, к которому мы принадлежим) имеют большое значение. Например, имя Рукият означает «предрасположенность к жизни подвижника, способность на жертву, необходимость в ком-то, к чьим ногам можно «бросить весь мир»». Главные черты характера Рукият, если верить описанию, – это гармония, покой, любовь и привязанность. Бабушку именно такой и запомнили, да и во мне проявились многие ее черты. Я всегда готова, не задумываясь, пожертвовать целым миром ради любимых людей.

Удивительно, что ровно через пять лет – именно 24 июня! – в день моего рождения родилась моя сестра. Хочешь – не хочешь, а поверишь в мистические совпадения и тайные смыслы дат. С этим числом связаны и другие события моей жизни, о которых расскажу ниже.

Мама рожала дома, потому что «Скорая помощь» не успела приехать вовремя. Я радовалась больше всех, была счастлива, как никогда – ведь я очень хотела иметь «подружку». Сестренка стала для меня желаннее любых подарков или новых игрушек. Как сейчас помню: в нетерпении я открыла дверь в спальню, а там – много женщин, моя мамочка и новорожденный ребенок. Взрослые с серьезными лицами советовались, выбирая среди старинных дагестанских имен то, что подойдет для сестренки. А я твердо и уверенно выкрикнула: «Амина!» Так ее и назвали.

У моей радости была еще одна причина. После меня мама родила дочку, но та умерла в годовалом возрасте. В моей детской памяти сохранились обрывки воспоминаний о наших с ней прогулках. Мы с братом учили ее ходить, водили за ручку. Ее звали Амина, и мне очень нравилось это имя...

С братьями и сестрой мы жили дружно, наш дом постоянно был полон гостей – друзей и соседей. Я поражалась тому, сколько у мамы сил: она встречала каждого гостя с почестями

и уважением, накрывала стол и угощала традиционными блюдами. Обычно это были хинкал, даргинское чуду, курзе с мясом и суп из сушеной колбасы.

У нас был очень большой дом с огромным двором. Папа оборудовал его как спортивную площадку – он много внимания уделял физическому развитию сыновей. Они постоянно соревновались друг с другом – то занимались борьбой, то на скорость ходили на руках. Я смотрела на них, как замороженная, мне казалось, что все это невероятно здорово. И мечтала о том, что тоже так смогу, когда вырасту (я пробовала, кстати, ходить на руках, но ничего путного из этого не вышло). Отец всегда выдавал награды победителю – денежные призы или желанные подарки. Таким образом он мотивировал сыновей, поддерживая в них азарт.

Время летело быстро. Все меня любили, холили и лелеяли – ведь я была первой, долгожданной доченькой, да еще и с бабушкиным именем. В первый класс мама собирала меня тщательно – нарядная новая одежда, огромные белоснежные банты, большой красивый портфель. В школу меня отвели соседки-старшеклассницы, но мама была уверена: я и сама без труда справлюсь и найду дорогу в школу и обратно – я была не по годам самостоятельная. Вообще, родители никогда во мне не сомневались, и я благодарна им за это.

«Раз ты большая, то будешь готовить для нас!»

У нас на Кавказе мужчины, как правило, не готовят еду, но моим братьям приходилось самим выполнять всю домашнюю работу, в том числе исполнять поварские обязанности. Мы, девочки, были еще маленькие для этого. У родителей всегда было много дел, они почти не бывали дома – бизнес отнимал все время и силы. Поэтому мама с утра раздавала братьям поручения, распределяя, кто готовит, кто убирает, кто двор метет... Каждый из них без труда мог приготовить несложные блюда типа жареной картошки или яичницы. Зато когда мама была свободна, она старалась порадовать семью – испечь пирожки или сварить любимый нами фасолевый суп с сушеным мясом.

Став школьницей, я сразу почувствовала себя очень взрослой и важной. И вот однажды, когда я вернулась с уроков домой, братья начали как-то подозрительно радостно суетиться вокруг меня. Я подумала было, что они решили поздравить меня с новым этапом в жизни, и приготовилась к подаркам. А они, хитро улыбаясь, торжественно заявили: «Раз ты теперь такая большая, то теперь будешь готовить для нас еду!» Мне было всего-то шесть лет, но братья решительно настроились сделать меня ответственной по кухне. В то время «шеф-поваром» чаще всего оказывался младший из братьев, девятилетний Ахмед. Это звание он получил за умение готовить очень вкусный плов. Свое мастерство он передал мне.

Ахмед с серьезным видом вызвал меня на кухню. Я внутренне подобралась, приготовившись узнать все поварские секреты. Он взял тяжеленный чугунный казан, поставил его в печку. Мне поручил чистить лук и морковь, строго наказал резать морковь крупной соломкой, а лук – полукольцами. Мне кажется, я делала это целую вечность. Но он остался доволен и работу принял.

Следующий этап – масло. Ахмед командовал: «Давай лей, да побольше!» Для меня это оказалось открытием: я и подумать не могла, что в плове его так много. Но брат объяснил: «Рис очень любит масло». До сих пор, когда готовлю плов, улыбаюсь, вспоминая его серьезный тон и эти слова.

Я уже собралась класть мясо, но Ахмед меня грозно остановил: «Нет, сначала лук». Мы терпеливо ждали, пока лук начнет краснеть, и только потом добавили говядину. Следом отправились так тщательно нарезанная мною морковка, смешанные специи, ароматный чеснок и немного водички.

Закрыли казан крышкой, оставили на 10–15 минут. Наверное, все это время я мыла рис, ведь Ахмед советовал: «Мыть, пока вода не станет прозрачной». Я проявила невероятное усердие – помыла его раз десять. Потом мне чуть не попало – я собралась перемешать рис овощами и мясом, но оказалось, что его нужно аккуратно распределить сверху. Воду Ахмед доливал сам, видимо, не доверил мне столь ответственное дело – ее должно быть чуть-чуть больше, чем риса.

Мы несколько раз открывали казан, и Ахмед пробовал плов на готовность – он боялся переварить, иначе все превратится в кашу. Когда уже было, по его мнению, готово, он аккуратно вынул казан и оставил плов минут на двадцать – доходить. Крышку открывать строго запретил, а мне не терпелось попробовать...

Плов получился изумительный! Семья ела его с огромным удовольствием, все хвалили меня и моего учителя. Было решено даже, что я смогла превзойти «шеф-повара» Ахмеда, а он был этому рад – ведь теперь готовка стала моей обязанностью. Ко второму классу я научилась прекрасно готовить хинкал, и он вошел в число моих «коронных» блюд.

Так во мне зародилась любовь к кулинарии. С детства я усвоила: хочешь доставить любимым людям радость – накорми их вкусно. Я была счастлива и горда собой, пока не случилось «вдруг».

Все мною восторгались, как красивой куклой

Я уверена, что почти с каждым человеком в какой-то момент происходит нечто, разделяющее его жизнь на «до» и «после». Одни после этого могут взлететь до самых высот, а другие, наоборот, опускаются на самое дно. Мне кажется, я в такой ситуации зависла между небом и землей...

Я ходила во второй класс, мне уже было семь лет. Хорошо помню тот морозный день – 24 (снова это число!) января 1998 года. Проходил большой пышный праздник – свадьба наших соседей. Мама одела меня в самое нарядное платье, мое любимое, и сделала красивую прическу из моих длинных каштановых волос, завивающихся у кончиков. В разгар свадьбы, только лишь мама на минуту отошла от меня, я тут же очутилась в центре внимания гостей. Их было около полусотни, многих я даже не знала.

Меня брали на руки, обнимали, гладили по голове и восхищенно приговаривали: «О! Какая же красивая дочка у Магомед! Такое прекрасное лицо, такие необыкновенные глаза! А какая у нее белая кожа!» Я действительно отличалась от других детей-даргинцев – у меня была достаточно светлая, как говорили, аристократическая кожа. В общем, все мною восторгались, словно красивой куклой.

Тот памятный день и стал отправной точкой для всех моих последующих бед. Часто я потом слышала, будто меня «сглазили». Честно говоря, я не особо верю в сглаз. Мне не хочется искать виноватых. Я уверена: на том празднике точно не было «ведьмы» или человека с «черным глазом». Многие люди, правда, утверждают, что сглазить можно, даже позавидовав по-доброму, но я не хочу в этом разбираться.

Жизнь может измениться вмиг

Одна искра – и я вспыхнула, как факел!

Со свадьбы мы вернулись домой довольно поздно. Оказалось, что в доме отключили свет. Мама сидела около печки, ждала, пока испечется хлеб, а я уже переоделась, собрала волосы в хвост и сдвинула два кресла, чтобы прилечь возле нее. Я помню, как мне было уютно – я завернулась в одеяло и почти задремала, ведь без света нечем заняться, даже книгу не считаешь. А моему любимому брату и лучшему другу Ахмеду стало скучно. Он решил зажечь керосиновую лампу и позвал меня на помощь. Мне не хотелось, было лень вставать. Я несколько раз отказалась, но он так канючил, что настаивать на этом уже начала мама. Я подчинилась уговорам, хотя словно чувствовала: соглашаться не надо. Нежелание идти в тот момент с братом было необычно сильным. Однако я, послушная девочка, заставила себя выйти во двор, несмотря на то, что все внутри противилось этому...

Мама присела у окна, которое выходило в наш огромный двор. Там мы с братом готовились к простой процедуре – через воронку в горловине налить в резервуар лампы керосин, а затем зажечь фитиль. Брат взял канистру... Позже выяснилось, что на заправке вместо маслянистого, медленно горящего керосина в нее залили бензин. Было очень темно, брат боялся пролить мимо и попросил меня посветить зажженной спичкой. Как только я чиркнула спичкой по коробку, произошло непоправимое – от искры в один миг вспыхнула я!

Потрясенный Ахмед как будто окаменел. А я от шока не могла произнести ни звука. Мозг отказывался понимать происходящее: я, Рукият, человек, не могу гореть вот так, будто полено. Это противостоит природе! Какое-то время я даже не чувствовала, что пламя лижет своими горячими языками мое лицо и руки. Сознание пыталось отгородиться от этого факта, словно то была не я, будто все происходило не со мной!

В себя я пришла, когда начала задыхаться из-за нехватки воздуха. Реальность словно включили обратно, и меня мгновенно пронзила чудовищная боль. Я вышла из ступора, стала крутиться на месте и истошно орать. Я желала лишь одного – прекратить невыносимую огненную пытку.

Первой из дома меня увидела трехлетняя сестренка. Она побежала к маме с криками: «Рукият горит! Помогите!» Мама в первый момент ничего не поняла: она краем глаза увидела внезапно вспыхнувший свет за окном, но подумала, что включили электричество. Она даже вообразить не могла, что произошло в действительности.

На выручку примчался старший брат и тут же принялся срывать с меня горящую одежду. Удивительно сейчас вспоминать об этом, но я в тот момент испытала... стыд. Ведь суровое кавказское воспитание требовало, чтобы одежда девочек была скромной и закрытой, а уж чтобы брат раздевал сестру – это выходило за все рамки приличий. Он судорожно пытался содрать с меня джинсы и шерстяную кофту, но не вышло, тогда меня укутали в ковер, и только таким образом удалось затушить пламя. На мои крики прибежали соседи, и гости, которые возвращались после свадьбы. Родители хотели уложить меня в ванную с водой, но кто-то вовремя их остановил: с такими сильными ожогами этого категорически нельзя было делать.

У меня было шоковое состояние – я не чувствовала боли

Папа впал в ступор. Казалось, он не понимал, что творится и что надо делать. Мама попыталась взять меня на руки, но ее трясло от рыданий так, что она не смогла меня держать. На выручку пришла односельчанка. Она держала меня на руках, а мама села у моих ног и гладила их. В больницу поехали на машине нашего родственника – папа от шока не мог управлять автомобилем, он сидел рядом со мной.

До ближайшего города, Избербаша, мы ехали где-то полчаса. Все это время я находилась в шоковом состоянии и не чувствовала боли. Мне казалось только, что мое лицо распухло и увеличилось в размерах в несколько раз. И я не понимала, что произошло с пальцами рук – они не двигались.

В больнице меня уложили на кушетку. Надо мной склонились несколько медсестер и врачей. В тот момент тело пронзила адская боль, а голову сверлила единственная мысль: родные должны помочь мне. Они должны остановить эти муки. Внезапно я увидела отца, который стоял за дверью, и начала вопить: «Папа, помоги!» А он лишь горько рыдал от беспомощности. Я не понимала, почему самый близкий человек не в состоянии что-либо сделать. В ту ночь я впервые увидела, как плачет мой отец. В Дагестане мужчины, как правило, не показывают своих слез, особенно при детях. И тогда я осознала: со мной произошло что-то очень-очень страшное.

Мне сделали обезболивающий укол, чтобы я уснула, но оставлять меня в больнице врачи не собирались. Они объяснили отцу: «У девочки очень тяжелый случай. Мы не можем взять на себя такую ответственность». Из больницы вызвали машину «Скорой помощи», чтобы перевезти меня в ожоговый центр Махачкалы.

Я уснула, и старший брат на руках понес меня к ожидающей «Скорой». Как раз в этот момент подъехала мама – ее привез сосед на своей машине. Увидев брата со мной на руках, она стала допытываться: «Кто это? Кого ты несешь?» За прошедшее время мое лицо опухло и изменилось до неузнаваемости. Когда брат подтвердил ее страшную догадку, у мамы началась истерика – она не могла поверить, что это ее девочка так выглядит.

В ожоговом центре отец, весь мокрый от слез, вытряхнул перед удивленными докторами кучу денег из огромной сумки. Незадолго до трагедии они с мамой собрали крупную сумму, чтобы поехать в Пятигорск за товаром для продажи в их магазине. Эти деньги папа и предложил врачам, заклиная их: «Спасите мою дочку! Сделайте все, чтобы она жила!» Конечно, он прекрасно понимал: деньги не помогут мне выжить, а помощь мне окажут и без них. Он просто хотел хоть что-то предпринять.

Почти три недели я находилась в искусственной коме – благодаря ей я не чувствовала боли. У меня сгорели лицо, уши, подбородок, шея, кисти рук. Бровей и ресниц не было. Волосы остались чудом, потому что были собраны в хвост.

Впервые выйдя из комы, я увидела светлую комнату реанимации. Из моего рта торчал шланг, и я не могла понять, зачем он. Руки, грудь и лицо были перебинтованы. Надо мной склонилась мама – у нее были опухшие от слез красные глаза. Видимо, она проплакала все эти три недели. Потом я снова уснула...

Очнувшись во второй раз, в окне палаты я увидела своих тетю – двух родных сестер мамы, Джарият и Джувайрат, а также жену ее брата, Хадижат. Они улыбались мне и энергично махали руками. Я с надеждой подумала: раз улыбаются – значит, не все так плохо. А потом заметила, что они поспешно отворачивались, пытаясь спрятать слезы. Им не удавалось сдержать их при виде меня...

В феврале начались первые пересадки кожи – ее брали с моих ног. Проводили операции, видимо, под местным наркозом, поскольку я все видела и слышала, но не ощущала боли. До

сих пор помню лица врачей в белых масках, которые старались приживить эти лоскутки, и свое кошмарное состояние – между сном и реальностью.

Я не понимала: почему все плачут, когда видят меня?

В реанимации я пробыла больше трех месяцев, а в общей сложности в больнице – почти полгода. О школе, конечно, пришлось забыть. Из-за болевого шока я долго не могла разговаривать. Мне повезло – гортань не обгорела, но губы сильно пострадали, поэтому я лишь издавала невнятные звуки. Я была ребенком и развлекала себя, как умела, – порой часами прокручивала в голове любимые песенки, например, «Солнышко в руках» группы «Демо», «Зима, холода...» Андрея Губина или «Ветер с моря дул...» обожаемой мной Натали. Музыка играла в моей голове, и я мечтала о том, что когда-нибудь смогу подпевать вслух и плясать под нее.

Даже находясь долгое время в реанимации, я до конца не понимала, что со мной случилось и почему с лица и рук так долго не снимают бинты. Зеркало мне не давали. Шевелиться лишний раз было нельзя, поэтому маме приходилось делать мне массаж. Я со временем привыкла к ее постоянно красным от слез глазам. Все родственники, приходившие меня навещать, выглядели не лучше, и я допытывалась: «Почему все плачут, когда видят меня?»

Со временем меня перевели в общую палату, где находились другие обожженные девочки, и только там я осознала, что сильно обгорела. Одна из девочек – Джамиля – даже висела на специальной сетке, потому что у нее вся спина была в ожогах (на обычной кровати ее раны начали бы гноиться). С ней случилась ужасная история: из-за утечки газа их квартиры взорвалась. Джамиля находилась к очагу ближе всех и поэтому сильно обгорела. Рядом лежала ее младшая сестра, у которой была повреждена одна сторона тела, и ей приходилось быть донором Джамили. Иногда она горько плакала и спрашивала: «Почему я должна отдавать ей свою кожу?» Понятно, что девочке не хотелось себя уродовать еще больше и испытывать боль снова и снова, но мама ее всячески уговаривала помочь сестре. Однако Джамилю все равно не спасли. Она умерла. Ей было тринадцать лет.

Я видела, как выносили ее тело под ужасные рыдания матери и сестры. В тот раз я впервые осознанно столкнулась со смертью...

Вскоре после перевода в общую палату из меня, наконец, вынули трубку для кормления, и я смогла есть обычную еду. Примерно на шестой месяц после трагедии я начала ходить и чуть-чуть разговаривать. Я часто видела грустные мамины глаза и даже пыталась шутить, чтобы хотя бы на мгновение вызвать улыбку на ее лице.

Пересадка кожи «чудовищу»

Сдирали кожу с лица – рывком, словно пластырь

Казалось, хирурги не знали, что делать: они совершали промах за промахом. Несмотря ни на что, кожа, по их словам, «не клеилась»! Они редко выжидали положенные для срастания три-четыре недели и иногда уже на следующий день после операции забирали меня в перевязочную и сдирали с лица полоски новой кожи. Рывком, словно пластырь. А потом все начинали снова.

Всего в Махачкале мне провели десять операций, срезав десять полосок кожи с ног. Одна полоска – одна операция. На ногах оставались шрамы, они кровоточили. Каждая операция была для меня пыткой, а для врачей – обыденностью. Они советовались, обсуждали свои семейные дела и проблемы, не обращая внимания на меня, семилетнего ребенка, находящегося в сознании и перепуганного до смерти.

Анализируя происходящее, я пришла к выводу, что, скорее всего, врачам не хватало практики. В то время шла война в Чечне, из Грозного привозили людей с ранениями от взрывов и различными ожогами. Но это были взрослые солдаты, и задача перед хирургами стояла одна – сделать все быстро, спасти человеку жизнь, при этом не сильно заботясь о косметической стороне вопроса. Позже и московские врачи детской клинической больницы имени Г. Н. Сперанского высказали предположение о том, что хирургам, возможно, не хватило нужного опыта. По словам московских специалистов, к которым я попала позже, эти первые неудачные пересадки кожи привели к серьезным последствиям. Так или иначе, я благодарна врачам из Махачкалы, ведь я осталась жива и сохранила здоровье.

Маме смириться с трагедией не удавалось долгое время. Периодически у нее случались истерики, и я по сей день вспоминаю ее жуткие красные от горя и слез глаза. Постепенно, конечно, ей пришлось привыкнуть к мысли, что лицо ее доченьки изуродовано ожогами, но под бинтами их не было видно.

Я хорошо помню один страшный момент. Тогда операция в очередной раз прошла неудачно, и меня вновь забрали в перевязочную. Никого из родственников никогда туда не пускали, но мама каким-то образом упростила врачей показать меня без бинтов. Ей открылась ужасная картина: на моем лице кожи местами не было совсем, вместо обеих щек зияли дыры, в которых даже были видны зубы! От шока мама потеряла сознание, и медсестрам пришлось оставить меня, чтобы оказать ей помощь. Мне было безумно страшно: моя мамочка рухнула на пол, и врачам долго не удавалось привести ее в сознание. Я лежала на кушетке и рыдала от страха за нее.

Наконец, на десятый раз у врачей вроде бы получилось справиться с поставленной задачей. Кожа прижилась, но между ее кусками образовались огромные страшные рубцы. Они натянули кожу до такой степени, что я не могла больше закрывать глаза – даже спала с открытыми.

Удивительно, но сама я не поняла тогда, что мои глаза не закрываются полностью. Позже, уже выписавшись из больницы, я случайно услышала, как это обсуждают мои обеспокоенные родители. Они волновались: если глаза все время открыты, значит, не отдыхают от света, и из-за этого может испортиться зрение. Помню свои замешательство и страх – я и понятия не имела, что сплю с открытыми глазами, но обсудить с родителями это не решилась, ведь пришлось бы признаться, что я подслушивала...

Не знаю, как описать то свое состояние. Я до того привыкла к врачебным «истязаниям», что уже не обращала внимания на новые трудности. Меня куда больше волновали, к примеру, постоянные уколы. Как и все дети, я боялась их до жути. Поскольку уговорить меня на укол становилось все сложнее, родителям пришлось упрашивать медсестру Разият делать мне их. Только ее я не боялась, так как она единственная ставила уколы совсем не больно. Эта добрая

женщина согласилась и, хотя работала в реанимации, каждый раз специально приходила ко мне в палату.

У меня в блоге ежедневно кто-нибудь да спрашивает: «А что у вас с лицом?» Меня не обижают такие вопросы. Я точно знаю: сейчас мое лицо в идеальном состоянии – по сравнению с тем, что было девятнадцать лет назад.

При движении ноги начинали кровоточить – с них же брали кожу

В 1998 году мне исполнилось восемь лет. Я все еще лежала в больнице и мечтала вернуться домой. Придумывала тысячу и одну причину, почему родители должны поскорее забрать меня. Я страстно хотела покинуть эту палату, больше никогда не видеть ни докторов, ни обожженных детей, которых мне было безумно жаль. Что именно творилось со мной, я толком тогда не понимала! Зеркал в больнице не было, и я не видела себя. Я очень просила маму принести зеркало и даже взяла с нее обещание, что она подарит мне его на день рождения после выписки. Но выписали меня уже после дня рождения, 26 июня.

Накануне, после долгих лет тяжелых болезней, умер дедушка – папин отец. Поэтому, конечно, ни о каких праздниках и речи не шло. Помню, в каком нетерпении я возвращалась домой – мне побыстрее хотелось оказаться в родных стенах. По дороге мы наткнулись на пикет военных – под Махачкалой проходила какая-то забастовка. Но люди в форме, увидев на заднем сиденье машины перебинтованного ребенка, сжалились и пропустили нас, хотя огромное количество других машин осталось за кордоном. Родители, пытаясь меня приободрить, даже стали подшучивать, что я помогла им проехать. Я же была счастлива просто оттого, что, наконец, вырвалась из больницы! Кошмар последних месяцев остался позади, хотя навсегда въелся в сердце, укрепился в памяти. Все последующие операции, вместе взятые, не вызывали во мне такого страха и ужаса...

Ходить мне было еще нельзя – меня носил на руках папа. Дело в том, что, когда с ног берут кожу, там образуются новые кожные покровы, которые при малейшем движении трескаются, и кровь сразу течет ручьем. Поэтому ноги еще долго были перебинтованы. Оттого, что большую часть времени я лежала и практически не двигалась, у меня была постоянная слабость. Лица своего я пока так и не увидела, но с рук бинты уже сняли. На них остались явные следы ожогов, некоторые пальцы были склеены и с трудом шевелились.

В доме нас ждала огромная толпа родственников. Папа занес меня в комнату на руках, и я радостно смотрела на родных людей. Жизнь казалась прекрасной – ведь я дома, живая, и теперь все хорошо! Но в глазах родных я видела грусть, многие улыбались мне сквозь слезы.

Из зеркала на меня смотрело чудовище!

Мама старалась не оставлять меня ни на минуту, всегда была рядом и тщательно следила за тем, чтобы я не посмотрелась в какую-нибудь отражающую поверхность. Все зеркала перед моим приездом спрятали.

Конечно, продолжаться бесконечно это не могло, все-таки у мамы – большая семья и много обязанностей. И вот однажды обстоятельства сложились так, что я осталась дома с тремя двоюродными сестрами, моими ровесницами. Я первым делом принялась просить, чтобы они дали мне зеркало. И они по простоте душевной, не задумываясь, принесли мне его.

Боже! Не передать словами весь тот ужас, который я испытала, увидев вместо своего красивого лица маску чудовища! Какое-то время я смотрела и не понимала, что это такое передо мной. Сначала я даже подумала, что сестры подшутили и вклеили в зеркало картинку с монстром. Я испытала глубокий шок. Когда до меня стало доходить, что я смотрю на свое собственное отражение, я в ужасе закричала: «Это кто?!» Меня накрыло волной истерики. С отвращением я отбросила зеркало, и оно разбилось на сотни осколков. Я рыдала, закрыв лицо руками, и не представляла, как буду жить с этим дальше.

По возвращении мама застала меня именно такой – бьющейся в истерике. Она моментально поняла, в чем дело, но успокоить меня было не так-то просто. На помощь ей прибежали родственники, все наперебой старались меня утешить. «Ты снова будешь красавицей!», «Лучшие врачи сделают тебе пластические операции!», «Это временно», – убеждали они. Кто-то даже напомнил о том, что некоторые девушки специально делают «пластику», дабы выглядеть лучше. «Ты станешь красивее, чем была!» – внушали утешители. Они уговаривали, шутили, смеялись, пытаясь и на моем лице вызвать улыбку. Наконец, им это удалось. Я успокоилась...

В сентябре мне предстояло пойти в школу, и меня готовили к тому, что я, возможно, снова пойду в первый класс, потому что из-за случившегося сильно отстала по учебе. Мои одноклассники во главе с любимой учительницей приходили навестить меня после возвращения из больницы. И я, конечно же, была расстроена, хоть и приготовилась стать второгодницей. Но накануне 1 сентября мне радостно сообщили, что я все-таки остаюсь в своем классе, уже в третьем. Это стало возможным благодаря моей учительнице – Ашуре Джабраиловне. Она уговорила директора школы оставить меня в прежнем классе, в привычном и знакомом коллективе, где я не буду чувствовать себя чужой и особенной. Она всегда утверждала, что я способная, одаренная девочка, и не сомневалась: я сумею нагнать одноклассников и освоить программу.

Новая жизнь с чужим лицом

Благодаря учителю и дружному классу у меня не возникло комплексов

В первый раз в школу меня отвела мама. Я видела жалостливое замешательство в глазах одноклассников, и мне было очень горько. Но никто из них не проявлял ко мне болезненного любопытства, ни словом, ни намеком ребята не напоминали мне о моей ущербности. Я уверена, что учительница им подробно рассказала о несчастном случае, произошедшем со мной, и попросила не говорить лишнего. Я до сих пор очень благодарна дорогой Ашуре Джабраиловне. Она учитель от Бога! Молодая, красивая, с золотым сердцем и очень нежным голосом. Никогда и никого она не ругала, все мы были для нее «умничками», «золотцами», «родными», и я на уроках старалась не из-за страха получить плохую оценку, а только ради ее теплой улыбки.

Подготовленные Ашурой Джабраиловной одноклассники были готовы к встрече со мной и знали, как себя вести, чтобы случайно меня не обидеть. Так что мое напряжение быстро ушло. Ребята всегда тепло относились ко мне, мы дружили, и вскоре я забыла о том, что отличаюсь от остальных. В учебу, несмотря на долгий перерыв, я втянулась легко. После больницы школа казалась мне долгожданным подарком. Спустя некоторое время кто-то из ребят даже начал просить у меня списать домашние задания или контрольные, и я всегда делилась. Учителя отмечали мои успехи и приводили всем в пример. Я действительно любила учиться и старалась ставить перед собой высокие цели. Думаю, именно благодаря дружному классу и неизменной поддержке Ашуры Джабраиловны у меня и не возникло комплексов.

Могу сказать, что мне повезло – окружающие люди создавали вокруг меня самую благоприятную обстановку... В моем родном селе живут около четырех тысяч человек. Все знакомы между собой, и многие являются друг другу какими-то родственниками. Я выросла в атмосфере взаимовыручки и поддержки. На родине принято делиться и горем, и радостью. Если уж свадьба – то праздник для всех. Если несчастье – то можно рассчитывать и на финансовую, и на моральную помощь.

В те годы я обожала петь и танцевать под любимые хиты. Если вдруг по телевизору показывали клип Натали и я слышала знакомое «Ветер с моря ду-у-ул...» – пулей неслась к экрану и становилась перед ним, ловя каждый жест любимой певицы, которая казалась мне идеалом красоты: блондинка с голубыми глазами и милым голосом. Мои танцы и пение радостно поддерживала сестренка Амина. Вместе мы частенько устраивали целые представления.

А еще я обожала ездить с папой на море. Он сажал меня за руль! Амина тоже просилась, и папа иногда усаживал ее на колени, позволяя ей почувствовать себя водителем. Я же была взрослая – десять лет – и управляла сама. Машин в то время на дорогах почти не встречалось, да и папа всегда был настороже. Таким образом он хотел с детства привить нам уверенность в своих силах. Так что водить я научилась еще ребенком, а вот права получила совсем недавно.

С теплом и любовью я вспоминаю мамино папу. Дедушка Сапарша, с седыми волосами, белоснежной бородой и невероятными зелеными глазами, казался мне Дедом Морозом, добрым волшебником из сказки. Однако он был очень строгим человеком, и никто в округе не решался перечить его слову. Детей и нас, внуков, он всегда строго отчитывал. Доставалось от него всем – кроме меня... Дедушка ушел из жизни уже давно, а его волшебный светлый образ до сих пор живет в моей памяти и согревает мое сердце.

Я не хотела видеть свое отражение

Несмотря ни на что, внутренние переживания не оставляли меня ни на миг. Каждый раз, проходя мимо зеркала, я опускала глаза – не хотела видеть свое отражение. Хотя со временем я стала привыкать к этому «чужому» лицу. К ожогам добавились глубокие рубцы красного цвета. Поврежденные огнем волосы и брови начали расти, но ресниц почти не было. А я, как и любая девочка, мечтала быть красивой!

Доктора в Махачкале отказывались проводить новые операции, объясняя: «Пока рано, потому что у ребенка кожа еще растет. Возможно, из-за новых вмешательств состояние лица только ухудшится». Операцию по удалению шрамов нам рекомендовали отложить до моего пятнадцатилетия. Это время требовалось и моему организму, чтобы прийти в себя и окрепнуть. Специалисты утверждали, что многие шрамы, которые вначале выглядят большими и непривлекательными, могут впоследствии стать менее заметными. И мне пришлось запастись терпением.

Прошли годы, я подросла и уже перешла в девятый класс. Папа отправился в столицу Дагестана, чтобы получить квоту на проведение бесплатной операции. Махачкалинские врачи хотели провести ее сами и настойчиво отговаривали родителей: «Зачем вам ждать квоту? Это же долго. Мы сами сделаем пластику, и недорого!» Но после десяти неудачных пересадок кожи, проведенных ими, папа был категоричен и стоял на своем: «Мы обойдемся без вашей помощи! Если нужно будет, соберем деньги и поедем в Москву».

Мой отец – решительный человек. Поняв, что квоты не дожидаться, он начал копить. Маме оставалось только ждать, молиться и покупать мне «Контрактубекс» – распространенную мазь, которую применяют для быстрого рассасывания рубцов.

Я, честно говоря, не видела от него никакого особого эффекта, но родители хватались за любую соломинку и лечили меня всем, что советовали родственники и знакомые. В ход шли и средства нетрадиционной медицины – например, гусиный жир. Считается, что, благодаря содержащимся в нем жирным кислотам и витаминам, он способствует восстановлению клеток, препятствует образованию грубых рубцов и со временем разглаживает кожу. Но и он, на мой взгляд, не помогал.

На операцию – как на праздник

Наконец, папа произнес заветные слова: «Я собрал нужную сумму на операцию в Москве». Это было в октябре 2005 года, и мы решили не дожидаться летних каникул, прервали учебу и поехали с отцом в ожоговое отделение Детской городской клинической больницы № 9 имени Г. Н. Сперанского...

Признаюсь, в тот долгий период ожидания я, чтобы себя приободрить, смотрела все фильмы, которые мне попадались, о людях, сделавших «пластику». Один индийский фильм – «Жажда мести» – произвел на меня особое впечатление. Речь в нем идет о непростой судьбе богатой женщины Арти, которая после смерти мужа попала в руки к ловким мошенникам. Один из них, Санджай, женился на ней, желая впоследствии убить ее и завладеть ее богатством. Вскоре новоиспеченный муж привел свой коварный план в исполнение: во время охоты он столкнул Арти с обрыва в кишашую крокодилами реку. Бедняжке удалось выжить, однако крокодилы сильно истерзали ее и обезобразили ей лицо.

Полуживую Арти нашел и приютил случайный незнакомец. Когда она немного подлечилась, ей сделали пластическую операцию, до неузнаваемости изменив внешность. В итоге скромная невзрачная женщина превратилась в дерзкую ослепительную красавицу. Арти захотела во что бы то ни стало отомстить, для этого поменяла имя на Джоти и устроилась на работу в модельное агентство, куда часто навещался ее бывший муж-убийца. Увидев там новую красавицу, мерзавец Санджай влюбился в нее и начал ухаживать за ней – своей бывшей женой. Арти-Джоти ответила на ухаживания негодая и, поехав с ним на ту же ферму, где он так жестоко с ней расправился, при удобном случае столкнула его в пропасть. Ему от крокодилов спастись не удалось...

Сюжет, конечно, захватывающий, но меня в этом фильме интересовал, в первую очередь, эпизод с операцией. Я прокручивала его на видеомagneтoфoнe раз сто. Меня поражал тот факт, что из куска мяса, в который превратилось лицо Арти, можно было вылепить, будто из пластилина, другое лицо – симпатичное, прелестное, восхитительное, божественное, эффектное, миловидное, неотразимое... Сколько еще красивых слов я тогда придумала, мечтая о таком же результате! Этот фильм очень вдохновил меня, и на операцию я отправилась, будто Золушка на бал, ожидая волшебства!

Путь в Москву показался мне самым длинным в жизни. Ехали мы на поезде, и дни тянулись, как резиновые. Сейчас я с благодарностью вспоминаю те часы наших разговоров с папой – с глазу на глаз. Отец открывался для меня с новой стороны. Я постепенно узнала, что отец с детства был упрямым и целеустремленным. После свадьбы с мамой он отслужил в армии, а после загорелся идеей поступить в Саратовский университет. Сдал все нужные экзамены на пятерки, параллельно помог ребятам написать математику, но в последний момент провалил экзамен по русскому языку. В результате те, за кого он писал математику, поступили, а он вернулся домой ни с чем. Позже, конечно, он добился своего и поступил на экономический факультет, но уже в Махачкале, на заочное отделение. В студенческие годы папа много работал, а по ночам сидел над книгами, забыв про сон. Конечно, при таком усердии он окончил институт с отличием.

Папа с ностальгией вспоминал разные забавные случаи из моего детства, когда, например, мама ругала меня, а я с визгом убегала и пряталась за его спиной в поисках защиты. Он рассказывал и о том, как рад был моему появлению на свет, как долго ждал меня. Тогда он произнес важнейшие для меня слова, которые я помню до сих пор: «Пока я жив, я сделаю все для того, чтобы ты выросла счастливым человеком. Несмотря на все происшествия, операции и испытания, у тебя все будет хорошо». Я поверила ему, и отец сдержал слово.

Я буквально лопалась от нетерпения, пока мы добирались до нужного места. Но после первого же медосмотра в больнице Сперанского меня ждал сокрушительный удар! Врачи объяснили, что одной операции, конечно же, недостаточно. А ведь я-то была уверена, что из этой поездки вернусь домой красавицей – как в дурацком индийском фильме! Мечты разбились вдребезги. Той осенью я еще не подозревала, сколько операций мне понадобится и насколько надуманной является история из кино.

Выглядела я худенькой и слабенькой. Врачи, заполняя историю болезни, искоса поглядывали на меня – они всерьез опасались за мое здоровье и не были уверены в том, что я выдержу операцию. Они попросили отца подписать документы, подтверждающие, что он берет на себя всю ответственность за исход операции. Тетя Лариса, двоюродная сестра моей мамы, которая жила в Москве и сопровождала нас, рассказывала потом, как у отца дрожали руки, когда он ставил свою подпись.

«Как в кино» не получилось

Первая операция длилась восемь часов – с девяти утра до пяти вечера. Очнувшись от наркоза я в реанимации. Первыми ощущениями были жажда и резкая боль в глазах, которые жгло от яркого света операционных ламп, – ведь они до сих пор не закрывались. К тому времени тетя уже уехала, а папа весь день ждал окончания операции около больницы. Врачи забыли ему сообщить, что я пришла в себя, и ему пришлось провести ночь в приемном покое. Не хочу даже думать о том, чего ему это стоило и что он пережил, пока находился в неведении. Только утром он, наконец-то, узнал, что со мной все в порядке, и выдохнул с облегчением.

По словам врачей, операция была тяжелая. Убрать рубец на клеточном уровне очень сложно, поэтому потребовалось так много времени. Доктора хирургически сглаживали шрамы, воссоздавая разрез и перемещая окружающую кожу. Для каждого конкретного шрама приходилось применять разные варианты вмешательства. А в реанимации я находилась потому, что мой неокрепший детский организм тяжело переносил восемь часов общего наркоза...

Когда меня перевели в общую палату, лицо было перебинтовано не полностью – только небольшой участок. В этот момент я впервые осознала в полной мере, что имел в виду врач, предупреждая о большом количестве операций. Чтобы «залатать» все лицо, им пришлось двигаться действительно крошечными шагами. Первым делом я попросила у тети зеркало и внимательно осмотрела себя. Столько сил, времени, ожиданий, восемь часов на операционном столе, долгое пребывание в реанимации, а сделали-то всего ничего – маленький кусочек под глазом и часть ушка! Меня охватило отчаяние. Детские фантазии о том, что будет «как в кино», разрушились. Я была подавлена.

Позже врачи больницы Сперанского все силы направили на восстановление участков вокруг глаз, чтобы я, наконец-то, смогла их закрывать. Для этого требовалось растягивать кожу и потихоньку убирать рубцы. Эти операции, как потом выяснилось, были самыми сложными.

«Зачем ты здесь? У тебя же все хорошо!»

Когда я оказалась в больнице Сперанского, в моем сознании начали происходить перемены. Наверное, именно в тот момент я действительно повзрослела. Теперь я могла четко разделить свою жизнь на три этапа: первый – до ожогов, второй – до операции в Москве, третий – после первой операции в столичной клинике. В семь-восемь лет, находясь на лечении в ожоговом центре Махачкалы, я не осознавала своего положения в полной мере. В двенадцать-тринадцать лет я уже стала задумываться о будущем с «не моим» лицом, но пыталась всячески себя подбодрить, тешила иллюзиями. А в пятнадцать лет знакомство с пациентами ожогового отделения больницы Сперанского помогло мне переосмыслить многое из произошедшего.

У ребят, которые там лежали, ожоги были куда страшнее моих. У них была обожжена большая часть тела, а у меня – лишь лицо и руки.

Помню мальчика П. из Якутии. Его рассказ надолго лишил меня дара речи – до сих пор я с болью вспоминаю о нем. На его родине жвачка тогда была дефицитом, и ее обладателя считали настоящим счастливчиком. Этому П. удалось каким-то чудом достать злосчастную жевательную резинку. После уроков он сидел в парке на лавочке, наслаждаясь искусственным вкусом малины, и тут к нему подошли завистливые одноклассники. Они попросили отдать жвачку, П., разумеется, отказал. Жадину тут же потащили к гаражам, подальше от возможных прохожих. Кто-то сбегал за бензином, хранящимся тут же, в отцовском гараже. Жвачку вынули из кармана П., а его самого облили бензином и подожгли. В результате П. практически целиком обгорел из-за нескольких граммов несъедобного синтетического полимера.

Случай, который произошел с другим мальчиком, Н., оказался даже страшнее. Когда тому не было и года, мать ушла на работу, оставив его в доме с отцом. Безработный папаша развлекал себя бутылкой водки и футболом по телевизору. Во время пенальти маленький ребенок заплакал, потому что давно уже описался и сидел без еды и питья. Отец не реагировал, увлеченный игрой, которая по мере приближения к финалу становилась все интересней. Малыш же кричал все громче и настойчивее. Разгоряченный алкоголем и футбольными страстями мужчина решил во что бы то ни стало досмотреть матч, и желательно без помех. А потому, недолго думая, засунул источник неприятного шума в горячую печь. И вот уже несколько лет врачи восстанавливали этому ребенку кожу по одному дециметру в год...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.